

В.М. КУЗНЕЦОВ

**УРЯДНИК
САЗОНОВ**

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Вячеслав Михайлович Кузнецов
Урядник Сазонов.
Хорошие и приятные стихи

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=37870360
SelfPub; 2018*

Аннотация

В настоящий сборник вошли стихотворения Вячеслава Михайловича Кузнецова, написанные им в разные годы жизни и неизвестные широкой публике. Поэму «Урядник Сазонов», которая составляет основу этого издания, автор по праву считал своим главным произведением. Легкий слог и неизменное чувство юмора, которым наполнена большая часть его стихотворений, не оставят равнодушным даже самого искушенного читателя. ISBN 978-5-600-02255-3 Содержит нецензурную брань.

Содержание

УРЯДНИК САЗОНОВ. СТРАНИЦЫ ЖИЗНИ	6
1	6
2	9
3	11
4	13
5	15
6	17
7	19
8	21
9	23
10	25
11	27
12	29
13	31
14	33
15	35
16	37
17	39
18	41
19	43
20	45
21	47
22	49

23	51
24	53
25	55
26	57
27	59
28	61
29	63
30	65
31	67
32	69
Конец ознакомительного фрагмента.	70

В.М. Кузнецов

УРЯДНИК САЗОНОВ

Урядник Сазонов жила и работала в эпоху развитого социализма, поэтому прошу не искать в его жизнеописании признаков современных реалий.

УРЯДНИК САЗОНОВ. СТРАНИЦЫ ЖИЗНИ

1

Урядник Сазонов прошел свой квартал,
Проверил малины, фарцу, наркоманов,
Всех педиков, лохов, и очень устал.
Пришел в кабинет и достал из карманов

Ключи от «Тойоты», платок носовой,
Полпачки махры, авторучку, гранату,
Подшипник, том Ленина, СНиП мостовой,
Два лезвия «Шик» и патрон к автомату.

Урядник Сазонов мундир расстегнул,
Сержанта Петрову позвал и разделся.
На образ скопился, протяжно зевнул
И, сделав два-три приседанья, согрелся.

Клопов притесняя, он лег на диван.
Петрова вошла в кабинет без пилотки.
Ремень расстегнула, сняла сарафан,
Бюстгальтер, часы, сапоги и колготки.

Урядник Сазонов, пошарив рукой,
Нашел под диваном бутылку «Кавказа».
Налил до краев, крикнул весело: «Пой!
Пой песню, Петрова! Пой песню, зараза!»

Сержант без рисовки взяла ноту «ля»
И спела из оперы «Тоска» куплеты.
Сазонов в ладоши прихлопнул: «Во, бля!
Во, стерва, поет! Ну, иди сюда, где ты?»

Наутро урядник Сазонов налил
Себе и сержанту Петровой какао.
Почистил мундир, «Честерфилд» закурил
И плюнул в портрет председателя Мао.

Засунул в карманы патрон и ключи,
Платок носовой, оба лезвия «Шика»,
Еще положил два огарка свечи,
А прочее бросил, ругнувшись дико.

Петрова ушла, унося аромат
Феерии ночи в тугом сарафане.
Сазонов же, как настоящий солдат,
Проверил патроны в надежном нагане.

И вышел с проверкой по тем адресам,
Где пьянство, разврат, антисанитария,
А сам отдавался во власть голосам,

Поющим, что звали сержанта Мария.

2

Урядник Сазонов не пил самогона,
Не ел бутербродов с икрой зернистой.
Не слышал никто в кошельке его звона
Неправедно нажитых денег. Лучистой

И светлой улыбкой он всем улыбался,
Не знал за собою греха он за взятки.
От жен и внебрачных детей не скрывался,
И все у него было в полном порядке.

Но как-то однажды, копая канаву
Для водоотвода на дачном участке
И в памяти нежную девушку Клаву
Держа, он лопату вонзил для остратки

Достаточно сильно и вырыл две банки
Совсем заржавевшие с надписью «Сахар»,
А в них было золото царской чеканки,
И вмиг на Сазонове взмокла рубаха.

Он местность вокруг оглядел взглядом емким
И бросился грудью на эти монеты,
И молча лежал так, покуда потемки
Не скрыли в ночи лица и силуэты.

Поднялся Сазонов, сухими устами
Росу собирая с травы и ромашек,
И низко согнувшись, пополз за кустами
Среди светлячков и полночных букашек.

Зажав обе ржавые банки до боли,
Змеей проскользнул в свою темную дачу
И думал, что, ежели сдать против воли
Сей клад государству, какая отдача

Ему причитается? Жалко и тошно
Родные монетки отдать все Минфину.
Обманут же, сволочи. Все, как нарочно,
У них там устроено. Лишь бы мужчину

Такого, как он, обобрать, облапошить.
И понял Сазонов, что это не дело
Монеты сдавать, он и так, словно лошадь,
На благо Отечества пашет умело.

И стало легко на душе моментально,
И жить захотелось и лучше, и чище.
А что удивляться тут, это нормально,
Когда на руках огромные тыщи.

3

Урядник Сазонов любил как умел,
И женщины это в нем очень ценили.
Он был безрассуден отчасти и смел,
И в детстве его из-за этого били.

Но время пришло – алый галстук с груди
Сазонова сняли и дали в замену
Значок комсомольский, сказав: «Проходи
Под наши знамена и знай ему цену».

И понял Сазонов, отныне кранты,
Нельзя пионерок таскать по подвалам,
И в нем загорелись другие мечты,
И было вокруг комсомолок навалом.

С глухого подвала на светлый чердак
Поднялся он и залюбил еще жгучей,
Еще безрассудней отчасти, но так,
Что шли комсомолки к Сазонову тучей.

Он с гордостью нес комсомольский значок,
Взрослея, мужая, растя постепенно,
И к скрипке любой его дивный смычок
Всегда подходил, и играл вдохновенно

Он эти мелодии на чердаках,
Где голуби гадят проходим на шляпы,
И многие перебивали в руках
Сазонова от Воркуты до Анапы.

И в должность урядника смело вступив,
Остался Сазонов таким же открытым.
Он так же играл свой любимый мотив
И так же, как в детстве, случилось был битым.

Но женщины были с него без ума
И раны его омывали слезами.
Он щедро распахивал им закрома
Души своей, и козырными тузами

Способностей емких преграды и боль
Сметал, оставаясь предельно доступным.
Урядник Сазонов, чердачный король,
Насилию чужд был и планам преступным.

Четырнадцать лет пролетели как сон.
Сказал Комсомол: «До свиданья, Сазонов!
Ты был в своем деле всегда чемпион,
Но нам надо знать и других чемпионов».

4

Урядник Сазонов «Полюстрово» пил
И думал о тех, кто, от жажды страдая,
Идет из последних оставшихся сил
По знойной пустыне, судьбу проклиная.

Сазонов был с жаждою тоже знаком
И клял в тот момент день и место рожденья,
Правительство, партию, горисполком
И прочие все гос– и партучрежденья.

Бутылку «Полюстрова» выпив до дна
И сдав ее тут же в «Прием стеклотары»,
Взяв двадцать копеек (бутылка одна
Была у него), он зашел в промтовары

И выбрал по вкусу пять пачек «Невы»,
Чтоб утром, проснувшись в шесть тридцать, побриться.
Небритых подонков он до глубины
Души ненавидел. Заросшие лица

В Сазонове сразу будили тоску,
И боль головная все мысли глушила.
Он, словно кабан, из засады к броску
Готовился тут же, и дрожь его была.

И чтоб эту подлую дрожь истребить
В себе, он на страшную грубость срывался.
Небритых подонков часами мог бить
Сазонов, покуда весь не выдыхался.

Он сам всегда выбрит был, как колобок,
Не видел заросшим никто его сроду.
Был бритвенный чист и опрятен станок
Сазоновский. Он, невзирая на моду,

Усов не растил, не растил бороды
И каждое утро скоблил свои скулы.
А после смывал, не жалея воды,
Все мыло. И даже впадая в загулы

С веденьем нетрезвого образа дней,
Ночей, вечеров, по утрам, как из пушки,
Он брился и словно из театра теней
Являлся, чтоб выпить оставшийся в кружке

Портвейн или херес, а может, коньяк,
Ведь жажда страшнее, чем холод и голод.
Знал это Сазонов, он был не дурак,
Хотя по годам был достаточно молод.

5

Урядник Сазонов, любимец богов,
В веселом подпитии шел по бульвару.
Песок приглушал скрип его сапогов,
И он незаметно наткнулся на пару,

Которая, все позабыв на земле,
Сидела, друг дружку обняв, на скамейке.
Был поздний момент, солнце скрылось во мгле.
К тому же Сазонов шагал в тубетейке,

Тем самым себя не давая узнать
По гордому профилю в рамках фуражки.
Сазонов сначала хотел закричать,
Узнав на сидящем мужчине подтяжки.

Его заместитель – Матвей Чередник –
Сержанта Петрову позорнейше лапал.
Хотя и надела Петрова парик,
Сазонов узнал ее тоже. Закапал

Тут дождик грибной, и ручей зазвенел.
Петрова вскочила, смеясь беззаботно.
Матвей удержать ее было хотел,
Но вынужден был уступить неохотно.

Тут вышел урядник Сазонов в упор,
И взглядом горящим прожег их до низа.
К тому же он снял головной свой убор.
Не ждали они, безусловно, сюрприза

Такого от грозного их головы.
Матвей Чередник побледнел, как побелка.
Вся тише воды и чуть ниже травы
Стояла Петрова, трясясь словно белка.

«Паскудники! Это вам так не пройдет!» –
Сазонов вскипел, загорелся, как пламя,
И, не удержавшись, ногою в живот
Ударил Матвея. Тот рухнул, как знамя

В бою, но никто не успел подхватить
Трепещущий стяг. И затоптанный в глину
Лежал он, Матвей то есть, пошевелить
Не в силах рукой. Мускулистую спину

Холодные струи грибного дождя
Стегали вовсю. А урядник Сазонов,
Презрительно взглядом все пробороздя,
Ушел, не приемля болезненных стонов.

6

Урядник Сазонов стоял в оцепленьи
Футбольного матча «Зенит» – «Барселона»
В июле, в пятнадцать часов в воскресенье,
И солнце нещадно пекло с небосклона.

Урядник Сазонов потел, но держался
Рукою за щит из прозрачного плекса
И мысленно сильно в себе раздражался,
Что не дали взять кобеля его Рекса.

Народ напирал, оглушенный сивухой,
Рвались безбилетники и наркоманы,
И самых нахальных Сазонов бил в ухо,
И штрафами быстро заполнил карманы.

Он не допускал суеты и скопления,
И опыт свой службы на Северном флоте
Удачно использовал здесь в оцепленьи
И бил напиравших под дых в полулете.

Пот градом стекал по напряженной шее,
Стекала и кровь по щиту ручейками,
Но лезла толпа все наглей и наглее,
И так же Сазонов их бил сапогами.

Однако Сазонову было не просто,
Устал он, и бить стал и реже, и тише.
И тут наркоман громадного роста
Попер на него. Все притихли, как мыши,

И ждали, чем кончится эта стыковка.
Сазонов напрягся, сощурился, сжался.
Дубинку покрепче взял, вытянул ловко
Вперед свою руку и зло рассмеялся.

Движение замерло, оцепенело.
Взирала толпа, как сошлись они разом.
Сазонов ударил дубинкой умело,
И тут же фингал засветился под глазом

У страшного роста и сил наркомана.
Он тут же упал на асфальт раскаленный.
Сазонов, проверив, что нет здесь обмана,
Подпрыгнул, победой своей опьяненный,

И крикнул нечленораздельное что-то.
И чувства сдержать не умея, большую
Дубинкой взмахнув что есть сил, с полулета
Кому-то ближайшему врезал с душою.

Урядник Сазонов не тянется к Богу,
И в Церковь Святую его не заманишь,
Он сам для себя выбирает дорогу –
Каким себя слепишь, таким ты и станешь.

Для кислых девиц и прыщавых подростков
Есть кайф на судьбу положиться всецело.
А если ты хочешь стать личностью броской,
То куй свое счастье упорно и смело.

Сазонов сковал свое счастье добротню,
А к Церкви – рассаднику идеализма –
Он шагу не сделал. Напротив, охотно
На храмы мочился он с долей цинизма.

Попов долгогривых он резко и гордо
За кудри мутузил по иконостасу,
И наотмашь бил по раскормленным мордам
Стальным кулаком своим с присвистом «Асса!»

Боялись урядника протоиереи,
Монашки при виде его замирали.
Входил в монастырь он, и, панику сея,
Бежали по кельям они и дрожали.

А он заходил, не спросясь разрешения,
Фуражку снимал, галифе и портянки,
Указывал молча перстом в направленья
Кровати и молвил: «Живее, засранки».

Монашки, как перед удавом зайчата,
Сломить не могла гипнотической силы,
Смиряться. А он торопил их: «Девчата,
Скорее давай, не тяните мне жилы».

Игуменья-матушка тихо молилась
За «стадо» своих златокудых овечек,
Но сзади Сазонов вошел, и свалилась
Она вместе с ним под мерцание свечек.

Сазонов доволен был этим раскладом,
Бычаря хабарики в лики святые,
Вдыхая всей грудью курящийся ладан
И употребляя словечки крутые.

И Бог не наказывал, не возмущался,
Хоть беременели, как кошки, монашки.
Сазонову грех его новый прощался.

.....
За что ему были такие поблажки?!

8

Урядник Сазонов из детства был родом.
Отец крестьянин, мать крестьянка и деды
Крестьяне. Он спаян душою с народом
Всегда был, нутром принимая все беды

И радости редкие. Выбился в люди
Упорный урядник Сазонов непросто.
Был к образованию путь его труден,
Но был он силен и высокого роста.

И вот заслужил и почет, и признание,
Его уважают все урки и шлюхи.
Он ловит воров и проводит дознание
И с гордостью носит серьгу в своем ухе.

Свой жизненный путь он проходит серьезно,
И чувство ответственности его гложет.
Всегда на посту он: и ночью морозной,
И полднем палящим. Иначе не может.

Свое бытие отражает Сазонов.
Его подкрепляет глубокая вера.
Он доблестно ловит бомжей и шпионов,
Прицельно стреляя в них из револьвера.

В служении гуманистическим целям
Всего человечества с полной отдачей
Сгорает в борьбе, равнодушный к потерям.
А он и не может, не хочет иначе.

Но он не машина с бездушной программой,
Есть в сердце урядника место для чувства,
С которым к сержанту Петровой, той самой,
Горит он. А также он любит искусства:

Игру на валторне, искусство балета,
Искусство кино и творения зодчих.
Он любит игру отраженного света
В бокале. И это искусство среди прочих

Он ценит особо. И надо признаться,
Что в этом он мастер высокого класса.
Урядник Сазонов готов расписаться
Под всем, что тут сказано, без выкрутасов.

Он родом из детства – урядник Сазонов.
Он плоть от народа, он совесть и мука.
Он вынесет все без претензий и стонов,
Последнее снимет. Вы сможете? Ну-ка?

9

Урядник Сазонов сажал виноград
На дачном участке в начале июня.
К нему подошла группа пьяных ребят,
Средь коих блистала изящная Дуня –

Соседка Сазонова. «Дай закурить», –
Сказали ребята и хмыкнули хором.
Сазонов взял жердь и давай их лупить,
И всех подавил неумным напором.

Ребята, как кегли, попадали враз,
Лишь Дуня, зажмуривши очи, стояла.
Урядник Сазонов достал свой матрас,
Подушку пуховую и одеяло.

Он Дуню взял за руку возле плеча
И за ногу и хохотнул неприлично.
Тут Дуня как крикнет: «Сазонов, ты ча?!»
А тот бормотал лишь: «Отлично, отлично».

И резким движением через бедро
Он бросил ее на матрас и подушку,
И сам повалился, захав в ведро
С известкой башкой, перепачкав макушку.

«Дуняха, терпи», – ей Сазонов сказал,
Снимая с нее через голову юбку.
И что-то еще расстегнул, развязал,
Порвал, перепутал – и скомкал голубку

В лапищах своих, заурчав словно кот.
И Дуня урядника с болью терпела.
А он ее перевернул на живот
И с новым усердием взялся за дело.

Часа через два или три, или пять
Урядник Сазонов и Дуня-соседка
Закончили дело свое, так сказать.
Тут видит Сазонов, что сломана ветка

Лозы виноградной. Он встал, подвязал.
И стала лоза виноградная краше.
Взял за руку Дуню и тихо сказал:
«Что было, забудь. И ни слова мамаше.

Вот, на три рубля, это самое то.
Захочешь, еще приходи, если мало».
Урядник Сазонов накинул пальто
В связи с тем, что к вечеру холодно стало.

10

Урядник Сазонов решил испытать
На собственной жизнью задубленной шкуре,
Что будет, когда интенсивно вдыхать
«Момент» – клей чудесный. Своей шевелюре

Сазонов придал обтекаемый вид,
Намазав усердно хорошим тавотом,
Чтоб легче в мешок заходила. Болит
У тех голова, кто обижен полетом

Пытливому разума, кто недалек,
И чей интеллект ниже среднего балла.
Сазонов по этой статье молоток,
Какая б проблема пред ним не стояла.

В хозмаге за деньги был куплен «Момент»
И выдавлен полностью так, как и надо.
Прошло полчаса, и счастливый клиент
Шагал по аллеям чудесного сада,

Вдыхал ароматы лекарственных трав,
Выписывал чеки на круглые суммы,
В кафе заходил и, красиво пожрав,
Из них выходил, и тяжелые думы

Его не тревожили, как наяву.
И женщины самые лучшие в мире
К нему подходили, коровы траву
Щипали, а он улыбался все шире.

И вот на цветущий ромашковый луг
Выходит Сазонов и мочится, к слову.
Светло. Тишина. Никого. Только вдруг
Он явственно видит сержанта Петрову.

Она приближается вся неглиже.
Сазонов бежит к ней, стремится навстречу,
Руками к ней тянется, грудью. Уже
Почти что берет ее нежно за плечи.

И в этот момент происходит сюрприз –
Петрова в плечах раздается и в росте,
И сверху глядит на Сазонова вниз
И топчет его, и крошит его кости.

Сазонов очнулся от страшной тоски,
И стало намного противней и гаже.
Сорвал с себя китель, штаны и носки
И рывкнул: «Дежурный! Петрову сейчас же!»

Урядник Сазонов прославился многим.
Однажды он мать молодую с ребенком
Из пламени вынес. Пьянчужкой убогим
Был дом подожен. В сарафанчике тонком

Мамаша – семнадцатилетняя Тома –
Металась в огне и кричала от страха.
Сазонов как раз проходил мимо дома,
На нем была только простая рубаха.

Но бросился он, ни на что невзирая,
По лестнице вверх, вынес двери плечами,
Окинул квартиру от края до края
И встретился с полными страха очами,

Которыми Тома в него поглядела,
Сжимая в руках годовалого Юру.
Сазонов схватил ее за руку смело,
Попутно отметив и грудь и фигуру,

И вывел на лестницу. Тихо пылала
Квартира, искрились все электросети.
«Куда ж мы теперь?» – тихо Тома сказала.
«Со мной поживете», – Сазонов ответил.

И так они жили полгода совместно –
Сазонов и Тома, и маленький Юра,
Покуда однажды с утра неуместно
В проеме двери не возникла фигура

Мужчины в морском офицерском прикиде,
С обветренным лбом и прокуренным усом,
А Тома лежала в растрепанном виде,
Раздетая напрочь красиво, со вкусом.

А рядом Сазонов, понятное дело,
В не менее пагубной позе разлежся.
Морской офицер вперся в комнату смело,
Схватился за кортик, да, благо, осекся.

«Георгий! – воскликнула Тома, поднявшись, –
Вернулся из плавания! В бронзе загара!»
И села к нему на колени, обнявшись,
И все рассказала с момента пожара.

Все волк морской выслушал молча и гордо,
А после поднялся и без закидонов
Встал смирно и руку уряднику твердо
Пожал сам: «Спасибо, товарищ Сазонов!»

12

Урядник Сазонов пошел за грибами
В прекрасное утро восьмого июля,
Сел в поезд с тремя молодыми жлобами,
С которыми ехала девочка Юля.

Об этом Сазонов узнал в разговоре,
Когда познакомился с ними поближе.
Жлобы побывали недавно на море
И были по этой причине в престиже.

А девочку Юлю на местном вокзале
Они подцепили уже на платформе.
Все это они без опаски сказали
Сазонову враз, так как он был не в форме.

А он по привычке запомнил все точно,
Отметив, что Юля довольно прекрасна,
И стал выражаться красиво и сочно,
Пытаясь понравиться ей, но напрасно.

На станции Дно он сошел с электрички
И долго бродил, занимаясь грибами.
В семь тридцать поел (были взяты яички
Из дома вареные) и под дубами

Прилег на полчаса, сжавши подмышкой
Свой верный наган, и заснул безмятежно.
И снилось уряднику, будто мальчишкой
Он сызнова стал, и папаня небрежно

Сажает его за баранку машины.
И мама – такая счастливая – рядом.
И поздний звонок среди ночи. Мужчины
Все в штатском, и батя, прощавшийся взглядом,

По страшной статье уходящий из дома.
И высылка их в Казахстан с пораженьем
В правах. Страшный голод, на полдник солома.
Клеймо «сын врага» пополам с униженьем.

Проснулся Сазонов весь мокрый от жути,
С наганом в руке и с грибами в корзине.
Рванул через чашу и на перепутье
Увидел знакомую Юлю в низине

Убитую просто по-зверски жлобами.
Заплакал Сазонов, могилку рыть взялся
И думал: «Зачем я пошел за грибами?
Зачем с тобой, Юлия, я повстречался?»

13

Урядник Сазонов был докой в футболе,
И это не раз мастера отмечали,
Всегда, когда он появлялся на поле,
Все женщины лифчики в воздух кидали.

Гроза вратарей, бомбардир виртуозный,
Хорош и в отборе, в защите надежен.
Одно слово, форвард стремительный, грозный.
Атлет – удивительно правильно сложен.

Урядник Сазонов играл вдохновенно,
Не каждый на поле сойтись мог с ним близко.
Он с левой и с правой бил попеременно,
И многие падали с травмой мениска.

Его самого провиденье хранило
От травм злонамеренных и растяжений.
Защиту противника дрожь колотила
От ловких финтов и от телодвижений,

Которыми он их сбивал с панталыку,
И словно на крыльях в штрафную врывался
И падал, как тополь, защитникам в пику.
И тут же пенальти судьей назначался.

И спорить с Сазоновым судьи боялись,
Им трепет его деловитость внушала.
Напротив, исправиться часто старались,
Но было Сазонову этого мало.

И бил он арбитров рукой в переносье,
И кровь заливала штрафные площадки.
Но слыша поддержкою многоголосье
Трибун, он смеялся – все в полном порядке.

Он восемь сезонов за сборную ЖЭКа,
Бессленно ее капитаном являясь,
Провел без замен. Не найти человека,
Кто б вспомнил Сазонова, не восхищаясь.

И было за что. Как он бил головою
Бесстрашно лоб в лоб и коленом в колено,
И вел всю команду вперед за собою,
А после игры шел под душ непременно.

И там же под душем цветы и улыбки
От женщин приемлил. А струйки по коже
Бежали, струились по мускулам гибким –
И это всего, безусловно, дороже.

14

Урядник Сазонов гонял неформалов
И интердвижения левого толка.
Им был арестован Рустам Цеденбалов,
Когда была взята в кольцо барахолка,

Где он, Цеденбалов, межнациональный
Вел митинг среди обрусевших черкесов,
Подход демонстрируя принципиальный
В вопросе учета людских интересов.

Сазонов стоял в оцеплении хмуро,
Поскольку оторван был от преферанса.
Но были вопросы важней, чем культура
Общения между людьми и баланса

Их чувств и симпатий друг к дружке отдельно,
А также и в целом в границах района.
Все чувствовал это Сазонов предельно
Отчетливо, ярко, целеустремленно.

Он слушал оратора, и клокотала
В нем ярость свирепая. Рушит устои
Проклятый Рустам, ему в морду дать мало.
Союз нерушим наш и многого стоит.

Сазонов дубинку сжимал, поминутно
Готовый сорваться по первой ракете,
Уже позабыв, как сиделось уютно
В кругу преферанса с друзьями в буфете.

И вот он – сигнал – прозвучал в мегафоны.
И собранное из различных кварталов,
Топча самовары, ковры, патефоны,
Пошло оцепление на неформалов.

Сазонов дубинкой крушил, как Добрыня,
Как Наполеон пер при Аустерлице.
И все неформалы, хлебала разиня,
Стояли, а он ненавистные лица

Бил наотмашь дланью, дубинкой, ногами,
«Черемухой» брызгал, зубами вгрызался.
И только Рустам Цеденбалов, рогами
Упершись, стоял, и один не сдавался.

Сазонов к нему подошел. Для порядка
Отдал ему честь, саданув в поддыхало,
И в трех выражениях выразил кратко,
Что, мол, арестованы Вы, Цеденбалов.

15

Урядник Сазонов был вызван в жюри
На конкурс «Мисс микрорайон» консультантом,
Поскольку при всем, что там ни говори,
В душе был поэтом он и музыкантом.

И кто, как не он, разобраться бы смог
В пропорциях тела без лишнего звона.
К тому же он знал всех. Не раз под замок
Сажал он их за нарушение закона,

За промысел вольный: торговлю спиртным.
А кое-кто взят был с поличным на краже,
Торговля наркотиком или иным
Товаром, ну и проституция даже.

Все это Сазонов знал, как дважды два.
Он в список участниц «Мисс микрорайона»
Взглянул мимоходом и хмыкнул едва.
Он понял мгновенно, чьей будет корона.

Тут грянула музыка в клубе «Вулкан»,
Участницы сбросили блузки и юбки.
Урядник Сазонов наполнил стакан
Оранжевой «Фантой» и в трубочку губки

Сложил, приготовившись честно судить
И баллы победные лишь по заслугам
Присваивать. Иначе попросту жить
Урядник не мог. Все, кто был ему другом,

А были подругами все для него,
Конечно же, знали такую привычку
Сазонова – истина прежде всего –
Ни разу он с совестью личной на смычку

Не шел. И пойти, безусловно, не мог.
И вот он на мисс проходящих глазеет.
Сазонов в восторге от талий и ног,
Он с бюстов и задниц участниц балдеет.

А вот и сюрприз, гвоздь программы, атас –
Участие в шоу сержанта Петровой.
Походка, фигура, сияние глаз,
Японский купальник расцветки тигровой.

Конечно, Петрова взяла первый приз,
Ведь это Сазонов достал ей купальник
И сам же одел его ей. Так что «Мисс»
Сказать оставалось: «Спасибо, начальник!»

16

Урядник Сазонов был взят на живца,
Когда ему взятку давала старуха.
Лишь деньги он принял, как два молодца
Врываются разом, и он, словно муха,

Меж стекол оконных забился, завыл.
Но вот они деньги – в конверте уликой.
Урядник Сазонов слегка поостыл,
Старуху ожгя всею яростью дикой.

«Ну, старая ведьма, держися теперь.
Попомнишь еще, чтоб ты черти забрали», –
Сказал ей Сазонов, пока его дверь
Те два молодца молча пломбировали.

Урядника вывели руки назад,
И два конвоира шли, как по линейке.
Сазонов орал: «Я же не виноват!
Подсунули деньги! Не брал ни копейки!»

Был с ним прокурор по-отечески строг,
Но дал папиросу и разулыбался:
«Ну что Вы, Сазонов, какой же Вам прок
Упорствовать? Все! Отвечай, раз попался».

Урядник, волнуясь, курил и потел:
«Не брал я, не брал, все подстроено гнусно.
Старуха подслана. Кто-то хотел
Убрать меня». А прокурор ему грустно

Ответил на это: «Все чин-чинарем.
Не надо, Сазонов, мы все про Вас знаем.
Вам было бы лучше сознаться во всем,
Иначе Вы сядете, мы обещаем».

Урядник Сазонов от ярости взвыл
И взвился. Пришлось вызывать санитаров.
А он, отбиваясь из всех своих сил,
Вдруг выкрикнул: «Я – Александр Заваров!»

Он спятил и был от суда отстранен,
В лечебницу был помещен и лечился.
А после оправдан и вновь возвращен
На должность, в которой так много добился.

Урядник Сазонов опять на посту.
Старуху нашел он здоровой и в силе.
Он встретил однажды ее на мосту...
И только круги по воде заскользили.

Урядник Сазонов в собачьей упряжке
По тундре советской летел вдохновенно
К божественно стройной радистке Наташке,
Он умственно к ней проносился мгновенно.

С Наташкой он встретился в августе в Хосте,
Где свой проводил календарный, законный
Заслуженный отпуск. И начал к ней в гости
Ходить, понимая, что стал он влюбленный.

И тут же решенье мгновенно созрело,
Ничтоже сумняшеся на увольненье
Сазонов подал, и, как принято, смело
Он в тундру отправился на поселенье.

Устроился егерем, благо привычна
Рука к карабину, и опыт огромен.
Хвалило начальство: «Сазонов, отлично!»
А он улыбался, он прост был и скромн.

А ночью полярною после работы,
В стволе карабина оставив усталость,
Садился он в нарты, смеясь до икоты
От радости и от того, что мечталось

На севере страшном, почти как на юге,
Что ждет его в трех километрах Наташка.
А если ей некогда, можно к подруге
Ее постучаться, и рыжая Машка,

Уж будьте уверены, не промахнешься.
И это сполна подтвердит вся зимовка.
Но лишь при Наташке усиленно бьется
И сердце, и кружится малость головка.

И вот он летит на собачьей упряжке,
Большая Медведица в небе сияет,
А сам представляет, как к милой Наташке
Ворвется, как снова ее повстречает.

Въезжает Сазонов во двор, стопорится,
Бежит, спотыкаясь, к знакомой квартире
И слышит за дверью, как там веселится
Наташка и штурман с АН-24.

В Сазонове сердце от горя заныло,
Он в темную ночь бросил горькую фразу:
«Любимая, стало быть, ты не любила
Меня никогда». И уволился сразу.

Урядник Сазонов поехал на Кубу
С большой делегацией с целью обмена.
Послали еще переводчицу Любу,
Хотя поначалу готовилась Лена.

Фидель Кастро Рус делегацию встретил,
А также Рауль – его брат и соратник.
«А климат здесь жаркий, – Сазонов отметил, –
Напрасно я взял сюда стеганый ватник.

Ну, ватник, пожалуй, пушу на продажу,
А валенки вряд ли толкнуть здесь удастся.
А баб-то тут сколько шныряет по пляжу.
И кто ж мне из них согласится отдаться?»

Так думал урядник Сазонов, шагая
По солнечной улице в центре Гаваны,
Все видя, все слыша и все замечая,
Косясь на кокосы, тростник и бананы.

След в след за ним шла переводчица Люба,
Страдая безмерно от зноя и жажды,
Поскольку ее, чуть не давшую дуба,
Сазонов сидром угостил лишь однажды.

Без усталости шел он, привычный к походам,
К ночевкам в степи, на снегу и в пустыне.
Он слиться стремился с кубинским народом,
И весь в него вышел по этой причине.

А Любе – его переводчице – тошно
От этого выхода было ужасно.
По самому пеклу ходил как нарочно
Урядник Сазонов, и Люба напрасно

Манила на пляж его, в библиотеку,
В свой номер гостиничный – не возымело.
Тянулся к трудящемуся человеку
Сазонов, презрев ее юное тело.

Но все-таки есть в жизни счастье людское.
Однажды Сазонов, проснувшись в отеле
И к завтраку выйдя, промолвил такое,
Что все перестали жевать – те, кто ели.

Сазонов, на блюдечко с кофеем дужа,
Промолвил: «Я ватник и валенки сплавил,
Поэтому нынче в народ не пойду я.
С тобой буду, Люба». И галстук поправил.

Урядник Сазонов – любимец детей.
Нет, кроме него, к подражанию примеров.
Он первый в колонне почетных гостей
На утренниках во дворцах пионеров.

К нему, как к отцу, пионеры спешат,
Как к деду, к нему октябрю стремятся.
Он может приехать в любой детский сад
И сколько захочется в нем оставаться.

Урядник Сазонов какао попьет,
Расскажет детишкам веселую байку
Как брат медвежатника. Песню споет,
Взяв в руки игрушечную балалайку.

Сазонов детей просто боготворит
И в детских садах по ночам остается.
Он красит там окна, он вовсе не спит,
А после с молоденькой няней дерется.

Ну как ей молоденькой тут устоять,
И это Сазонов вполне понимает.
Ему потому и не хочется спать,
И с няни он нежно халатик снимает,

Ведет ее в спальню, кладет на кровать,
Мурлычет ей песню, щекочет усами.
И нянечка тут же готова отдать
Сазонову все от себя с потрохами.

Сазонов ночными горшками звенит,
Слезая с кровати босыми ногами,
На нянечку юную нежно глядит
И тихими, молча, уходит шагами.

С утра ему по пионерлагерям
На встречи спешить, на линейки и слеты,
Петь в клубе «Дельфин» «По морям, по волнам...»,
Но любит Сазонов все эти заботы.

Он любит детишек, и дети в ответ
Ему отвечают любовью за ласку.
Вожатые до девятнадцати лет
Снимают при нем с себя все под завязку.

Урядник Сазонов – любимец ребят,
А также учительниц и комсомолок.
То ясли, то техникум, то интернат –
Везде он желанен, улыбчив и ловок.

Урядник Сазонов прочел «Манифест»,
Нашкрябанный аж в девятнадцатом веке,
С большим упоением в единый присест,
Когда ошивался с ревизией в ЖЭЖе.

Сазонов задумался: «Ну и дела!
Так, стало быть, призрак бредет по Европе».
Но тут паспортистка полет прервала
Сазоновских грез, прислонясь к его ж...пе

Горячим бедром. И отхлынула кровь
От мозга, и затормозилось мышление.
Сказал паспортистке он только: «Готовь
Покудова списки, кто на выселенье».

А мысль возвращалась: «Вот Маркс, сволота.
Должно быть, по пьяни придумал, зараза».
И снова его захватила мечта,
Как бурный поток из бачка унитаза.

Да как же он ходит, пугает же всех?
Ведь это ж вам не наркоман и не шлюха.
Но в этот момент его вновь, как на грех,
Коснулась бедром паспортистка Надюха.

«Ох, – вздрогнул Сазонов, – Надюха, ты чо?»
И всю паспортистку огладил очами.
Надюха не призрак, от ней горячо.
Урядник, вздохнув, передернул плечами.

А призрак, не знающий стен и границ,
Бродил, между тем, по Европе бесстрастно.
«Глубокая мысль, это не для тупиц», –
Подумал Сазонов, пытаясь напрасно

Собраться с такой же глубокой мыслью.
И чуть ли уже не собрался, и близко
Была эта мысль у Сазонова. «Ой!» –
Вдруг вскрикнул он. Снова его паспортистка

Горячим бедром обожгла невпопад,
И мысли о призраке сразу пропали.
Сазонов скосил свой задумчивый взгляд
На бедра ее и подумал: «Едва ли

Смогу я в такой обстановке мечтать
И думать, как призрак бредет по Европе».
Закрыв «Манифест» он и бросил читать,
А мысль заострил на надюхиной ж...пе.

Урядник Сазонов не раз с парашютом
Спускался на землю с избытками жажды.
Покажется выдумкой это кому-то,
Но это чистейшая правда. Однажды

Его попросили подняться на АНе
На тысячу метров и прыгнуть на льдину,
Которая вместе с двумя рыбаками
В открытое море неслась. На картину

Таковую Сазонов взглянул и ответил:
«Лечу,правляйте моторы горючим».
Он в воздух поднялся. Неласково встретил
Его океан. Нетерпением мучим,

Урядник Сазонов глазами впивался
Сквозь тысячу метров в морские просторы.
И вот разглядел двух людей и сорвался
С крыла самолета. Ревели моторы

Ушедшего АНа. Вот купол раскрылся,
А ветры Сазонову щеки лизали.
Минута-другая, и он приземлился
На льдину, где два рыбака замерзали.

Он тут же налил им по двести грамм водки
И, рацию вынув, дал координаты.
На них отозвались подводные лодки
Из Североморска, а также из НАТО.

Те два рыбака задремали, сморившись,
Во сне они щуку на спиннинг ловили,
Им в лица Сазонов взглянул, наклонившись,
И мрачные мысли его посетили.

Он думал: «Не дай Бог, придет субмарина
Враждебного блока скорее, чем наша,
И в плен всех возьмет. И расчетчица Зина
Уже не увидит его, и Наташа

Из санэпидстанции. Страшно в разлуке.
А эти козлы... Каковы их устои?
Вдруг это предатели Родины, суки».
Вздыхнул тут Сазонов и плюнул: «Не стоит

На риск полагаться». Тоскливо и кротко
Рука потянула наган из кармана.
А к вечеру наша подводная лодка,
Как айсберг, возникла в полоске тумана.

Урядник Сазонов отправился в баню.
Пришло время вымыться в этом квартале,
С собой прихватил сослуживицу Маню,
Чтоб спину потерял ему в общем зале.

«Иначе, – сказал, – замордую по службе».
И Маня покорно бельишко собрала.
Резону ей не было в искренней дружбе
С урядником портить все прямо с начала.

Зашли они в баню – понятно, в мужскую.
Вахтер было рыпнулся, че, мол, Сазонов,
Ты с бабою прешь сюда? Я протестую,
И мне пропускать ее нету резонов.

Урядник Сазонов нахмурился бычьи:
«Ты что же, старик, культ здорового тела
Не любишь?» Вахтер зачирикал по-птичьи
И сник, а Сазонов прошествовал смело

И Маню провел за собой в раздевалку.
И все мужики в тот же миг онемели
И сгрудились кучей, устроили свалку,
Глазея на Маню, и тихо балдели.

А Маня с урядником быстро разделись
И, шайки наполнив, забрались в парилку.
У них и мочалки к тому же имелись,
А также Сазонов взял пива бутылку.

Урядник Сазонов разлегся на лавке,
Подставив свои ягодицы и спину,
И Маня хлестала его бородавки
Березовым веником, словно скотину.

Урядник Сазонов сопел умиленно,
А Маня, ругаясь сквозь зубы, потела.
И группа мужчин, замерев, вожделенно
Смотрела на Манино сочное тело.

Стояли они вдоль парилки по стенке,
Завидуя хором уряднику черно,
Сжимая руками худые коленки,
И взгляд оторвать не желали упорно.

Меж тем у Сазонова кончилось пиво.
Он встал, потянулся, как кошка в сметане,
Похлопал по мягкому месту игриво
Ладонками Маню и вышел из бани.

Урядник Сазонов на отдых в четверг
Поехал в дом отдыха. На две недели.
И всех отдыхающих сразу поверг
В прострацию так, что потом еле-еле

Пришли все в себя, так Сазонов был мил,
Так вежлив и предупредителен к дамам.
Казалось, всю жизнь он в Париже прожил,
Шатаясь по Луврам и по Нотр-Дамам.

При первой же встрече он «Здрасьте» сказал
Всем, кто был в столовой. Тут все обалдели.
И каждый жующий жевать перестал
И лишь на Сазонова дико глядели.

А он улыбнулся во все тридцать два
(Из чистого золота было шестнадцать),
Отхаркался в урну, не смазав едва,
Не переставая светло улыбаться.

Изысканно сев на положенный стул,
Урядник Сазонов поел с аппетитом.
Утерся платком, извинился, рыгнул,
Еще извинился. К стакану, налитом

Компотом, могучую длань распротер
И залпом в себя опрокинул небрежно.
И всем рассказал, как ему солитер
С трудом выводили. Ребеночка нежно

Погладил по маковке. Вилочку взял,
Которой до этого кушал котлету,
И очень изысканно поковырял
Зубцами в зубах своих. «Спичечки нету?» –

Спросил у женщины с приличным брюшком,
А вилку отбросил, изрядно погнувши.
И вытер под мышками пестрым платком
Вспотевшее тело, пиджак расстегнувши.

А вечером дамы одна за другой
С Сазоновым просто с ума посходили.
Он всех ангажировал наперебой
На танцах, которые тут проходили.

Он с дамами этими протанцевал
Весь вечер подряд, при его-то артрите.
И только однажды, ламбаду прервал,
Сказав: «Я пойду помочусь, извините».

Урядник Сазонов четвертые сутки
Безвылазно дома сидел в туалете.
Желудок его, удивительно чуткий,
Дал полный отказ ресторанной котлете,

Которую он заказал в воскресенье,
С сержантом Петровой жируя с аванса,
Запив ее пивом и чаем с вареньем
И точку поставив в порыве брейк-данса.

Он выйти не смог в понедельник на службу,
В кишечнике тонком отметив слабинуку.
Все проклял Сазонов: котлету и дружбу
С сержантом Петровой – не бабой – картинкой.

Ну что было делать? Он принял морфуши,
А школа подшефная как-то узнала
О страшном недуге и, на тебе, тут же
На помощь звено пионеров прислала.

Тимуровцы в галстуках красных и с горном
Застали Сазонова в полном упадке.
Он выдохся от беготни по уборным,
И вырван последний был лист из тетрадки.

Газет уж давно не осталось в помине,
А два тома Горького жалко до боли.
Урядник Сазонов по этой причине
Порыв организма усилием воли

Держал в напряжении. Зубы скрипели,
И слезы мужские скупые катились.
Вот тут-то тимуровцы и подспели,
Вот тут-то, хорошие, и появились.

В момент были вымыты пол и посуда,
Простираны майки, носки и рубашки,
И пыльных бутылок стеклянная груда
Сдана, а на выручку куплены шашки

И тут же расставлены друг против дружки.
И сел звеньевой и Сазонов за доску.
Урядник дал всем пионерам по сушке,
А сам от души закурил папироску.

Он выиграл партию в русские шашки,
Где восемь на восемь доска из фанеры.
Из Горького вырвал четыре бумажки,
«Спасибо» сказал, и ушли пионеры.

Урядник Сазонов, охотник изрядный,
Являлся грозой кабанов и медведей,
Лисиц, глухарей, мелкоты травоядной,
Воров, проститутток, бомжей и соседей.

Однажды в седое туманное утро
Он из дому вышел в брезенте и коже.
Клубился туман над рекою как будто,
И ветер хлестал по обветренной роже.

Урядник Сазонов с ножом и наганом,
Который до времени сунул он в брюки,
Шел крайне бесшумно, хотя было рано
И очень отчетливо слышались звуки.

Но был у Сазонова дар следопыта,
Не зря разбомбил он двенадцать притонов.
И вскоре он выследил след от копыта
И вынул наган с барабаном патронов.

Привел его след в непролазный орешник,
И тут же Сазонов залег за пеньками.
Вдали голосисто пропел пересмешник,
И ИЛ-18 шел под облаками.

Урядник Сазонов, пошитый не лыком,
Уперся в туман немигающим оком.
Пальнул, но тотчас был шокирован криком,
И понял, что крикнули тут недалеко.

Урядник Сазонов в орешник помчался,
Туман расступался, как облако, тая.
Ефимов дед кровью в кустах обливался
И хрипло стонал, пузыри выпуская.

Сазонов взглянул и все понял мгновенно.
«Эх, дед, – он сказал, – ну, какого же ляда
Поперся сюда ты, зачем непременно
В орешник полез? Так те, старый, и надо!»

И злость разобрала урядника люто,
Такую охоту испортил, паскуда.
Сазонов ругнулся по матушке круто,
В Ефимова плюнул и вышел оттуда.

И шел он уже, не скрываясь, открыто,
И ветки трещали под ним, словно кости.
Зверье разбегалось. Сазонов сердито
Смотрел им вослед и плевался от злости.

Урядник Сазонов – красавец-мужчина,
И скромнен, как ангел, на службе и дома.
Не пьет и не курит во сне. «Молодчина»
Зовут его все, кто с ним близко знакомы.

Он честен, как Ленин, опрятен в одежде,
И женщинам сроду не врал, не лукавил.
У них после встречи с ним место надежде
Всегда остается. И он не оставил

Из них ни одну, ни одну не обидел,
Со всеми встречается, всеми доволен.
И в них недовольства он сроду не видел.
Дурными болезнями также не болен.

Он женщин не делит на падших и честных,
Он в женщине только лишь женщину ценит.
И много он может припомнить чудесных
Возвышенных встреч. Как, бывало, разденет

Он где-нибудь в здании аэропорта
Прекрасную, с бронзой загара на коже,
Попутчицу – женщину первого сорта,
Но ведь и Сазонов не третий сорт тоже.

А, скажем, случается выйти в облаву
И по чердакам пропылить по приказу,
А там обязательно встретишь шалаву,
По всем компонентам приятную глазу.

И тут же Сазонов – гусар благородный –
Ведет ее в хату, любезен и тонок
В своем обращении. Это природный
В нем стержень, заложенный прямо с пеленок.

В Сазонове все удивительно к месту:
И руки, и ноги, и прочие части.
И мог бы, конечно, давно он невесту
Себе подыскать, чтоб, сгорая от страсти,

Любить ее, словно Отелло Джульетту.
Но знает урядник Сазонов – не время.
Пока пожирает преступность планету,
Садится в другое седло он, и в стремя

Другое сапог свой начищенный ставит.
В нем стержень такой, что бандитам обидно.
Когда положение в районе исправит
С преступностью он, вот тогда будет видно.

Урядник Сазонов нарвался однажды
На банду налетчиков-рецидивистов.
Они на стоянке такси честных граждан
Шмонали, а с ними попутно таксистов.

Их было двенадцать, затянутых в кожу,
С кастетами все поголовно, с ножами.
А главный «Макаровым» тыкал всем в рожу,
И граждане деньги сдавали им сами.

Урядник как крикнет: «Да как вам не стыдно!
Вы, видимо, совесть совсем позабыли!
По вашим откормленным рожам не видно,
Чтоб плавил сталь вы и уголь рубили.

Сейчас же верните все, что отобрали,
Свои извинения все принесите
(За это ли наши отцы воевали?),
И если простит вас народ, уходите».

Налетчики в первый момент растерялись,
Но все же убрали ножи и кастеты.
Собрались в кружок, малость посоветались
И отдали деньги, а детям – конфеты.

Урядник Сазонов, довольный поступком
Своим и налетчиков, шел улыбаясь,
И думал, как в мире сегодняшнем хрупком
Хорошее слово весомо. Вдаваясь

В детали прошедшего, он не заметил,
Как ночь опустилась, звездами играя,
Как тихо за ним все налетчики эти
Идут, постепенно его окружая.

Урядник Сазонов не ведал тревоги.
Он верил в людей и в гармонию мира,
И шел потихоньку себе по дороге,
По Библии не сотворяя кумира.

И тут в переулке, где было безлюдно,
Где ночью совсем фонари не горели,
Налетчики подлые хором паскудно
С боков на Сазонова все налетели.

Достали обратно ножи и кастеты.
Сазонов вскипел: «Ну, держитесь, зараза!»
И не посмотрев, что прилично одеты,
Их всех положил с переломами таза.

Урядник Сазонов не любит новаций
По принципиальным вопросам морали.
И как-то в четверг он решил искупаться.
Чудесные летом погоды стояли.

Он вышел на пляж и разделся до плавок
И десять минут полежал, загорая,
А не потому, что боялся пиваков.
Он даже в болото ходил, презирая

Опасность такую. И нынче на пляже
Испытывал он первозданную радость,
Хотя понимал, что не может быть гаже
Животной, чем эта противная гадость.

Поднялся Сазонов и прыгнул прекрасно
В волну набегавшую, и окунулся,
И волосы вымочил, фыркнул ужасно,
И тут же на берег песчаный вернулся.

И тут он увидел такое, что с ходу
Его передернуло и омрачило:
На пляже, где столько лежало народу,
Где плюнуть-то, можно сказать, негде было,

Где все на виду друг у друга, как братья,
Стояла свободно, ничуть не смущаясь,
Красивая женщина, только без платья,
А также без лифчика и, улыбаясь,

Глядела Сазонову в черные глаза.
А он, цепenea, мурашкой пробитый,
Сказал: «До какого ж дошел безобразья
Век нынешний!» И отвернулся сердитый.

Пропало его настроенье и краски.
Погоды уже не казались всецело
Чудесными. Не было в климате ласки,
И как-то противно в желудке болело.

Гнал мысли Сазонов – привиделось просто, –
Пытался себя убедить он в обратном.
И долго лежал и считал пять раз до ста,
На каждую сотню кладя аккуратно

По камню. И счет исчерпав до предела,
Он вновь посмотрел и вздохнул безысходно:
Все так же без лифчика баба глядела
В него. И Сазонов ушел благородно.

Урядник Сазонов едва по дороге
Тащился к вдали проступавшему лесу,
Цепляясь за камни, как плот за пороги
На быстрой реке. И казались по весу

Ему сапоги, как чугунные гири.
Давно он забыл, что такое смеяться.
Он понял одно – счастья нет в этом мире,
И думал о том, как до леса добраться.

Но не за грибами собрался Сазонов,
Не пение птиц его в лес поманило.
Он шел обезвреживать группу шпионов,
Которых примерно четырнадцать было.

Случилось все утром в одиннадцать двадцать.
Ему позвонили, подняли с постели,
В погоню велели тотчас собираться,
Добавив: «Товарищ Сазонов, Вы ели?»

«Да где же я ел? – отозвался Сазонов, –
Ни крошки во рту, брюхо сводит до дрожи».
Ответили: «Жаль. Но поимка шпионов
Гораздо важней, поедите попозже».

И вот он идет, спотыкаясь, по следу.
Одиннадцать двадцать – начало отсчета.
А время-то, время подходит к обеду.
Так где же взять силы? Какая работа

Тут может быть сделана? Два с половиной
Часа без еды в бесконечной погоне.
Сазонов, испачканный серою глиной
От частых падений, споткнулся на склоне

Большого холма, застонал, но поднялся,
Приблизился к лесу, добрел до избушки.
И хрипло отрезал, чтоб каждый сдавался,
Кто там нарушает границу. Из пушки

Своей безотказной дал выстрел по крыше
И рывкнул: «Нас много, как львы, мы деремся».
Шпионы стухнули и крикнули: «Тише!
Не надо, начальник, стрелять, мы сдаемся!»

И выбросив кольты, теряя сознания,
Один за одним они стали сдаваться.
Урядник писал протокол задержанья,
И время поставил – тринадцать пятнадцать.

Урядник Сазонов замерз невозможно,
Четыре часа простояв за бутылкой,
И, сидя в тепле, отходил осторожно,
Довольный и баней самой, и парилкой.

Полезную вещь совмещая с приятной,
Давно уже он собирался помыться.
Настоечкой хвойной, как лес, ароматной
Урядник Сазонов любил окатиться.

И вот, наконец, он добрался до бани.
В предбаннике сбросил шинель и фуражку,
Стянул галифе и присел на диване,
Достал «Филипп Моррис» и сделал затяжку.

Ему разрешали курить против правил,
Поскольку боялись и знали на деле.
А он снял носки и на стул их поставил,
А стул отодвинул. Носки загремели,

Попадали вниз, и один раскололся.
Сазонов собрал со слезами осколки,
Подумав: «Зачем я так долго боролся
За лучшую долю? Э-эх, палки-елки».

А после пошел за блаженством в парилку
И там уж размяк, разомлел, согреваясь.
А очень приятная мысль про бутылку
Свербила в мозгу, среди извилин катаясь.

Намылился он, поражая микроба.
Тут банщик к нему подошел ненароком,
Уряднику был он обязан до гроба
Когда-то давно не полученным сроком,

И тихо спросил: «Не хотите ль развлечься?
Вас знают и ждут. Вам, надеюсь, понятно?
Я б Вас проводил в кабинет, где разлечься
Могли б Вы. Притом, совершенно бесплатно».

Сазонов сперва возгорелся и, было,
Чуть-чуть не сказал, как душа его рада.
Но вспомнил носок, погрузстнел и за мыло
Вновь взялся и твердо ответил: «Не надо!»

Он лег и зажмурился. Очень приятно
Лежать в теплоте, отмокая от грязи.
И было до боли ему непонятно,
Чем нравиться могут случайные связи?

Урядник Сазонов шел берегом моря,
Вдыхая полезные запахи йода.
И мыслилось горько, что друг его, Боря,
Конечно, не прав, и такого уroda,

Как он, не встречалось Сазонову сроду.
Он молча ракушки пинал сапогами,
Глядел на морскую соленую воду
И думал, что быть им с Борисом врагами.

Пока эти горькие мысли терзали
Сазоновский разум у берега моря,
А волны спокойно подошвы лизали
Его сапогов, знать не знавшие горя,

Надвинулись сумерки, и в лунном свете
Увидел урядник Сазонов, как сразу
Из моря на берег почти на две трети
Залез водолаз. Он бегом к водолазу.

А тот достает заграничные мины
И берег минирует наш среди ночи,
Чтоб утром российские наши мужчины
Взорвались, а женщины плакали б очень.

Сазонов к лазутчику резко подкрался
И крикнул: «Сдавайся, собака, на месте!»
Но враг был хитер, даже не растерялся,
И крикнул в ответ: «А не много ли чести?»

И с левой попробовал выбить два зуба
Сазонову. «Не на того напоролся, –
С улыбкой ответил урядник и грубо
Ударил в скафандр, и тот раскололся. –

Знай наших, подлюга. Давай быстро явки,
Пароли и связи, и мин расстановку».
И тут же Сазонов сорвал с него плавки,
Чтоб не убежал, хоть и сам стометровку

За девять и девять бежал на районе.
Но, зная врага, просто подстраховался.
А в принципе мало, кто мог с ним в погоне
Сравниться, плюс он очень здорово дрался.

А как была администрация рада
В отделе, куда доставляют шпионов:
«Товарищ, Вас ждет, безусловно, награда!
Фамилия Ваша?» – «Урядник Сазонов».

Урядник Сазонов на сельхозработы
Начальством отправлен был по разнарядке.
Он ватник взял свой, старый плащ, полуботы
И прибыл к автобусу в полном порядке.

Он сразу отметил, что женщин немного
И что выбирать можно будет от силы
Из трех-четырех. «Все покажет дорога.
Кто смел, тот и съел. Ни к чему крокодилы

Нам в деле таком», – рассуждал на посадке
Урядник Сазонов и, сделав заметку,
Он быстрым движением из-под подкладки
Достал чуть побитую пылью конфетку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.